

Е.А. Бочков

ЦЕРЕМОНИАЛ ПОГРЕБЕНИЯ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

28 апреля 2013 г. исполнилось 200 лет со дня смерти выдающегося российского военачальника и государственного деятеля генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского. Его кончина и погребение (как и его жизнь) окружены множеством легенд и мифов. В данной статье, основанной на новых архивных документах и критическом анализе ранее опубликованных работ, предпринята попытка развеять эти мифы и воссоздать реальную картину исторических событий, связанных с перевезением тела М.И. Голенищева-Кутузова из Пруссии в Россию и его погребением в Санкт-Петербурге 13 (25) июня 1813 г.

Весна 1813 года. Русские войска, очистив территорию Российской империи от агрессоров, громят остатки Великой армии Наполеона на Европейском театре военных действий. 4 (16) апреля 1813 г.¹ император Александр I и главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов прибыли в силезский г. Гайнау. Местные жители, узнав о приезде в город высоких особ, горячо приветствовали своих освободителей. Михаил Илларионович, направлявшийся к императору на заседание военного совета, был встречен на улице овациями, горожане буквально осыпали полководца цветами. Князь, одетый в легкий мундир, остановился и стал благодарить собравшихся за внимание и любезность. Видимо, тогда Михаил Илларионович и простудился. Уже после совещания он почувствовал недомогание и озноб.

На следующий день 5 (17) апреля император Александр I и М.И. Голенищев-Кутузов выехали из Гайнау. Изменчивая весен-

няя погода сыграла роковую роль в судьбе престарелого князя. В дороге начался дождь, перешедший в мокрый снег. Михаил Илларионович, ехавший в открытом экипаже, простудился окончательно. Как вспоминают современники полководца, главнокомандующий приехал в Бунцлау совершенно больным. Император продолжил свой путь в Дрезден, где сосредоточились основные силы русской армии. А князь вынужден был задержаться в Бунцлау. Александр I оставил при Михаиле Илларионовиче начальника главного штаба генерал-майора Петра Михайловича Волконского и лейб-медика Якова Васильевича Виллие.

6 (18) апреля 1813 г. М.И. Голенищеву-Кутузову стало хуже. Полководец, в течение всей своей жизни относившийся к лекарствам с отвращением, вынужден был под давлением докторов принимать лечебные микстуры. На третий день своего пребывания в Бунцлау Михаил Илларионович почувствовал себя несколько лучше и хотел отправиться в путь. Но лечивший его доктор уговорил отложить поездку на несколько дней. Всё это время генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов не прекращал работать. Он принимал доклады о ходе военных действий; отдавал распоряжения по передислокации воинских частей и по организации материального снабжения войск; решал административные вопросы, связанные с пребыванием русской армии на территории Пруссии. На четвёртый день состояние здоровья главнокомандующего значительно ухудшилось, он не мог уже даже подписывать документы. Врачи прописали ему постельный режим. Титулярный советник Александр Иванович Михайловский-Данилевский (в будущем генерал-лейтенант, военный историк), бывший помощником М.И. Голенищева-Кутузова с первых дней войны, так описывал последние дни полководца: «Закат дней его был прекрасен, подобно закату светила, озарившего в течении своем великолепный день; нельзя было смотреть без особенного прискорбия, как угасал наш знаменитый вождь, когда во время недугов избавитель России отдавал мне приказания, лежа в постели, таким слабым голосом, что едва бывало можно расслушать слова его. Однако его память была очень свежа, и он неоднократно диктовал мне по несколько страниц безостановочно»².

10 (22) апреля 1813 г. через Бунцлау проезжал прусский король Фридрих Вильгельм III. В знак особого расположения к русскому полководцу он направил к Кутузову своего лейб-медика Вибеля и отдал

распоряжение о вызове из Бреслау профессора Венского и Берлинского университетов Кристофа Вильгельма Гуфеланда. 11 (23) апреля Михаил Илларионович писал своей жене Екатерине Ильиничне: «Я отстал от государя: он уже в Дрездене, а я ещё за 17 миль от него. При мне живет Виллие; и король, проезжая, оставил своего лейб-медика. В Бреславле при маленьких великих князьях и при великих княжнах живет Гуфеланд, которому также велено быть сюда...»³.

Трогают те чуткость и внимание, которые проявило население Бунцлау по отношению к больному князю. Для того чтобы его не беспокоил шум колес, проезжающих по улице карет и повозок, горожане застелили соломой всю мостовую. Известный московский исследователь жизни и деятельности М.И. Голенищева-Кутузова Л.Л. Ивченко в своей монографии пишет, что жители города «предлагали Гуфеланду 100 тысяч талеров, лишь бы медицинское светило вылечило фельдмаршала...»⁴.

Болезнь прогрессировала, несмотря на усилия врачей. «Тщетно известнейшие доктора российские и присланный от короля прусского славный в целой Европе лейб-медик Гуфеланд истощали всё свое искусство к восстановлению здоровья сего великого героя, тщетно запрещали ему говорить, дабы вступившие в грудь его мокроты осадились; что день, то с ним делалось хуже, слабость всех его нервов дошла до такой степени, что с великим трудом мог он подписывать бумаги, а наконец был не в состоянии делать и сего», – писал первый биограф полководца Ф.М. Синельников, хорошо знавший М.И. Голенищева-Кутузова при жизни и даже служивший под его началом в Киеве в 1806–1807 г.⁵

Неизвестный автор XIX в. в своём стихотворении так описал последние дни полководца:

На верхних славы ступенях
Ему рука судьбины
При блеске молний и громах
Постлала одр кончины!
На нём простёрт, он угасал,
Как вечер светозарный,
И угасающий внимал
Отчизне благодарной⁶.

За два дня до кончины главнокомандующего в Бунцлау приехал генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский, с которым Миха-

ила Илларионовича связывала не только служба, но и теплые дружеские отношения. В это время здоровье князя настолько ухудшилось, что к нему уже никого не допускали. Однако, зная расположение генерал-фельдмаршала к Николаю Николаевичу, ему было дозволено свидание. Узнав Раевского, М.И. Голенищев-Кутузов обратился к врачу: «Господин доктор, меня оставьте лечить. Пользуйте лучше его, он не очень здоров, он хороший генерал, он отец семейства!»⁷. Это были искренние слова, проникнутые заботой о сослуживце.

Празднование 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года пробудило в российском обществе огромный интерес к героическим страницам нашей истории. Наряду с серьезными исследованиями жизни и деятельности М.И. Голенищева-Кутузова появилось немало публикаций, где тиражируются различные легенды и мифы о выдающемся русском полководце. Одна из таких легенд гласит, что 15 (27) апреля 1813 г. за день до смерти Михаил Илларионович имел разговор с Александром I. Штабной чиновник (некто Крупенников), находившийся в комнате и скрывавшийся за ширмой, установленной у постели больного, якобы подслушал такой диалог между императором и главнокомандующим:

- Прости меня, Михаил Илларионович!
- Я прощаю, государь, но Россия Вам этого не простит.

Легенда эта оказалась живучей и даже нашла отражение в живописи. В 1945 г. художник Кочетов написал картину «Последний разговор императора Александра I с М.И. Кутузовым в Бунцлау 15 апреля 1813 года». В настоящее время эта работа представлена в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в экспозиции «Кутузов и Отечественная война 1812 года».

Абсурдность версии Крупенникова очевидна. Император Александр I, перешагнувший десятилетний рубеж правления, прекрасно осознавал свой статус и не допустил бы высказываний, оскорбительных для монаршей особы. Также необходимо учитывать и характер светлейшего князя. Зная его непростые отношения с императорским семейством, можно достаточно уверенно утверждать, что даже на смертном одре старый царедворец не позволил бы себе такую бестактность по отношению к монарху. М.И. Голенищев-Кутузов хорошо понимал, что после смерти благополучие его родных во многом будет зависеть от императорской милости. Об этом Михаил Илларионович обмолвился жене в письме от 25 марта (6 апреля) 1813 года: «Король

[Фридрих Вильгельм III] поехал очень доволен... За день до отъезда прислал ко мне государственного канцлера [Карла Августа Гарденберга], который подал мне от короля [ордена] Чёрного и Красного орла, сказав от имени короля, что он благодарит меня как восстановителя [независимости] Пруссии и что ежели поможет бог утвердить всё начатое, тогда желает король иметь меня своим согражданином и утвердить за мною имение в Пруссии. Я его благодарил так учтиво, как надобно, сказав, однако же, *que l'empereur Alexandre ne laissere jamais manquer de rien ni moi, ni mes enfants* («император Александр никогда не оставит в нужде ни меня, ни моих детей»)⁸.

Санкт-петербургские историки Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев по архивным документам восстановили хронологию перемещений Александра I в апреле 1813 г. Согласно их данным, император выехал из Бунцлау 7 (19) апреля, т.е. до того, как болезнь Михаила Илларионовича приняла необратимый характер. 12 (24) апреля император был уже в Дрездене. 13 (25), 14 (26), 15 (27), 16 (28) и 17 (29) апреля в Дрездене выходят приказы по армии за личной подписью монарха⁹. О кончине генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова император Александр I узнал лишь 18 (30) апреля 1813 г. накануне сражения под Люценом, что подтверждается записями в журнале военных действий. Штабс-капитан А.И. Михайловский-Данилевский, состоявший в 1813 г. при Главной императорской квартире, писал: «В то время, когда все готовились к сражению, пришла весть о смерти князя Кутузова. Государь велел содержать её в тайне и не объявлять о ней до окончания предстоящего сражения»¹⁰. На основе этого исследователи делают естественный вывод, что «15 (27) апреля такой разговор состояться не мог»¹¹.

Однако вернёмся к событиям двухсотлетней давности. 16 (28) апреля 1813 г. «в половине десятого часа пополудни» главнокомандующий русской армией светлейший князь генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов Смоленский скончался в доме отставного майора прусской армии фон дер Марка в г. Бунцлау. На следующий день доктор Я.В. Вилие и местный врач Вислизенус произвели вскрытие тела покойного. При обследовании выяснилось, что «внутренности его так были перепутаны, что самые доктора почитали чудесами, как он мог столь долго жить при такой болезни, от которой люди в самых цветущих годах умирают»¹². До сих пор в исторической литературе идут споры о том, что же стало причиной смерти

Михаила Илларионовича. В разных источниках болезнь М.И. Голенищева-Кутузова называется по-разному: «нервическая горячка, осложненная паралитическими явлениями», «тяжёлая форма полиневрита», «заразная лихорадка» и даже «рак внутренностей»¹³.

Тело князя было забальзамировано и подготовлено к транспортировке в Россию. Местный оловянщик Август Иенк изготовил металлический гроб, в который уложили тело Михаила Илларионовича¹⁴. Внутренние органы, не подлежащие бальзамированию, были запаяны в цинковый ящик и захоронены на старом немецком кладбище около д. Обер-Тиллендорф (в настоящее время сельское поселение Болеславица, Республика Польша), расположенном в трёх километрах от Бунцлау. В погребении останков главнокомандующего приняли участие его адъютанты, офицеры штаба и врачи (К.Л. Монтрезор, А.С. Кожухов, Н.П. Панкратьев, К.А. Дзичканец, И.Л. Ефимович, И.П. Липранди, А. Малахов, Э.А. Злотницкий, И.Н. Скобелев и др.). На месте захоронения местный каменотес Франц Бём-младший изготовил и установил памятник.

Высочайшим повелением было предписано тело покойного М.И. Голенищева-Кутузова отправить в Санкт-Петербург «дабы было [оно] погребено со всеми высокому званию его и навеки незабвенным Отечеству оказанным услугам, подобными почестями»¹⁵. Забальзамированное тело князя уложили в металлический гроб, у изголовья поместили серебряный сосуд с забальзамированным сердцем. Гроб был закрыт крышкой, завинчен болтами и установлен в деревянный ящик (ковчег).

27 апреля (9 мая) 1813 г. в два часа дня траурный кортеж выехал из Бунцлау. Адъютант полководца ротмистр К.А. Дзичканец докладывал рапортом генерал-майору П.М. Волконскому: «Вследствие данного мне от Вашего сиятельства повеления я сего числа с телом покойного господина генерал-фельдмаршала из Бунцлау в Санкт-Петербург выехал, о чём честь имею донести с приложением маршрута, по которому следую»¹⁶. В последний путь на родину почившего в бозе Михаила Илларионовича сопровождали: полковник Я.Я. Шнейдер, полковник И.Н. Скобелев, полковник И.Л. Ефимович, полковник Салогуб и четверо бывших при главнокомандующем адъютантов: ротмистр К.А. Дзичканец, ротмистр К.Л. Монтрезор, подполковник А.С. Кожухов и капитан Э.А. Злотницкий. Транспортировка тела М.И. Голенищева-Кутузова в Россию была сопряжена с

большими трудностями. Кorteжу предстояло ехать по разоренной военными действиями территории. Маршрут следования был составлен таким образом, чтобы в населённых пунктах можно было найти лошадей для смены. Для оказания помощи в организации перевозки останков светлейшего князя прусское правительство даже командировало специального чиновника.

Траурный corteж находился уже на пути в Россию, когда слухи о кончине М.И. Голенищева-Кутузова дошли до Санкт-Петербурга. «Долго в отдаленных от границы российских городах, а особливо в столице, не верили словесным о сем известиям, несмотря на увеличивавшиеся день ото дня слухи, – писал Ф.М. Синельников. – Каждый истинный сын Отечества укреплял себя мыслию, что они ложны, что муж, посланный небесами для низложения противника Божия, истребителя рода человеческого, умереть так скоро не может»¹⁷. До получения официальной информации о смерти Михаила Илларионовича родные и близкие старались скрыть от супруги покойного Екатерины Ильиничны известие о горестном событии. Но предчувствие беды не покидало княгиню. Полученное в начале мая письмо от Михаила Илларионовича из Бунцлау, написанное 11 (23) апреля 1813 г. не его собственной рукою, а лишь подписанное им, давало все основания для тревоги.

Наконец и её светлость получила от императора Александра I рескрипт следующего содержания:

«Княгиня Катерина Ильинична! Судьбы Вышнего, которым никто из смертных воспротивиться не может, а потому роптать не должен, определили супругу Вашему, светлейшему князю Михаилу Ларионовичу Кутузову Смоленскому, посреди громких подвигов и блистательной славы своей преселиться от временной жизни к вечной. Болезненная и великая не для одних Вас, но для всего Отечества потеря. Не Вы одна проливаете о нём слезы: с Вами плачу я и плачет вся Россия. Бог, воззавший его к себе, да утешит Вас тем, что имя и дела его останутся бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его. Европа и весь свет не престанут ему удивляться и внесут имя его в число знаменитейших полководцев. В честь ему воздвигнется памятник, при котором россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться, чужестранец же уважит землю, порождающую столь великих мужей. Всё получаемое им содержание повелел я производить Вам, пребывая Вам благосклонный.

Подлинный писан и подписан собственною Его Императорского Величества рукою так:

Александр

Дрезден. Апреля 25 дня 1813 года»¹⁸.

Почти месяц двигалась печальная процессия с телом покойного М.И. Голенищева-Кутузова через европейские и российские города: Нейштадт, Познань, Торн, Даргейм, Тильзит, Мемель, Митаву, Ригу, Нарву, Ямбург... Всюду ковчег с прахом Михаила Илларионовича встречали и провожали торжественно, с подобающими заслугам покойного почестями, с участием местных властей, духовенства и войск, при большом стечении народа. В некоторых городах были установлены временные памятники и траурные арки в память о спасителе Отечества. Скорбь народная была глубокой и искренней.

В начале мая кортеж достиг границ Российской империи. 8 (20) мая 1813 г. гроб с прахом М.И. Голенищева-Кутузова был ввезён на территорию России через Полангенскую таможенную, о чём был незамедлительно извещён главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов. 11 (23) мая 1813 г. в третьем часу пополудни бранные останки князя М.И. Голенищева-Кутузова были привезены в г. Митаву. «Ещё за две версты от города встреча телу [М.И. Голенищева-Кутузова] была учинена купечеством, которое тотчас выпрягло лошадей у оврага и, положив приготовленные для того особые постромки, повезло на себе, обливаясь слезами, – писал Ф.М. Синельников. – Таким образом печальное шествие сие продолжалось с пением священников и звоном колоколов до тамошней церкви святого Симеона, у которой отправляема была панихида при собрании великого множества народа»¹⁹. После окончания богослужения тело усопшего было провезено через весь город. На выезде из Митавы ковчег с телом покойного главнокомандующего провожали войска местного гарнизона, построенные в две шеренги вдоль дороги. При приближении кортежа по команде офицера солдаты взяли ружья «на караул», отдавая честь останкам прославленного русского полководца. Затем были даны три ружейных залпа.

17 (29) мая 1813 г. в пятом часу пополудни траурный кортеж достиг Нарвы. У городских ворот его встречали комендант, местные чиновники и духовенство. В Нарву также прибыли министр внутренних дел О.П. Козодавлев и зятя Михаила Илларионовича – М.Ф. Толстой (муж Прасковьи Михайловны) и Ф.П. Опочинин (муж Дарьи Ми-

хайловны). Как и в других городах, жители Нарвы «из усердия к великим деяниям сего мужа отвезли на себе смертные его останки к соборной церкви в сопровождении множества народа»²⁰. В течение трёх дней тело покойного князя находилось в городской соборной церкви. Во вторник 20 мая (1 июня) местным духовенством была отправлена божественная литургия, а по её окончании – панихида. Под звон колоколов и артиллерийские залпы крепостных орудий ковчег был вынесен из церкви и установлен на колесницу. Купцы и мещане вновь не позволили запрячь лошадей в дроги и сами повезли гроб по улицам города. Гроб сопровождало духовенство; следом двигались военные чиновники, которые несли на подушках орденские знаки полководца; затем шли чиновники городского магистрата и народ. Процессия вышла из города через специально возведённую по этому случаю арку с надписью «Избавителю России». Принося дань уважения покойному, жители везли на себе ковчег до самого Ямбурга.

В Ямбурге процессию встречали уездный предводитель дворянства, городничий и городской голова с гражданами. На въезде в город был сооружён обелиск с надписью «Слабое приношение спасителю Отечества». После отправления литии нарвских жителей сменили ябургские, которые и ввезли колесницу в город. Возле собора Святой Великомученицы Екатерины состоялась божественная служба. После непродолжительного отдыха сопровождающих в девять часов вечера ковчег с телом покойного таким же порядком вывезли из города, а затем в повозку уже были запряжены лошади.

В субботу 24 мая (5 июня) 1813 г. печальная процессия прибыла в д. Викколово, находившуюся в двух десятках верст от Санкт-Петербурга. Городские власти, церковные иерархи и военные чины, заранее оповещённые о прибытии кортежа, подготовились к встрече. Временным пристанищем для покойного М.И. Голенищева-Кутузова была избрана Троице-Сергиева пустынь²¹, расположенная на берегу Финского залива в 19 верстах от столицы. Петербургские власти сделали всё возможное, чтобы траурные мероприятия прошли организованно и торжественно.

Для перевозки гроба в монастырь заблаговременно был разработан специальный церемониал. Вот текст архивного документа²². «Тело покойного привезено будет в дорожной колеснице, не доезжая Стрельнинского дворца, к первой слободе от онаго, где и переставится на городовую печальную колесницу под балдахин, которая за-

ложена будет в шесть лошадей под траурными попонами, на коих по сторонам нашиваются гербы фамилии. Шесть человек в траурных епанчах ведут под усцы лошадей, имея на голове распущенные²³ с флером²⁴ шляпы. На колеснице кучер имеет таковое же одеяние. Балдахин поддерживают за шнуры четыре штаб-офицера, кои и будут стоять на ступеньках колесницы.

Тело покойного светлейшего князя имеет быть встречено ближними родственниками и особами, желающими изъявить усердие в отплате последнего долга достойному великому мужу и знаменитому полководцу Российской империи. Духовные особы, встретившие также, по учинении священного служения пойдут пред колесницею, а по сторонам колесницы и несколько впереди оной пойдут по обе стороны с факелами 20 человек, имея чёрные епанчи с распущенными шляпами. Родственники покойного и все встретившие воинские чины, в штате покойного состоящие, также непосредственно идут за колесницею. Таковым порядком кортеж печальный шествует в Сергиевскую пустынь, где тело покойного встречено будет духовенством.

Ковчег с телом покойного поднят будет назначенными к тому особами и внесён в церковь, в которой и поставится на приуготовленный амвон²⁵. Тогда начнется духовенством служба, совершаемая при положении тела в гроб, и потом поднимется оный и положится в приуготовленный гроб, который и поставлен будет посреди церкви на амвон под балдахин. Вокруг амвона на табуретах положены будут ордена и прочие знаки отличия, коими почтён был покойный светлейший князь.

Покуда тело пребудет в сказанном монастыре, читан будет денно и ночью псалтырь, а каждодневно собором того монастыря отправляема будет по его светлости панихида.

От военного начальства зависит прислать приличный караул как генерал-фельдмаршалу и великому полководцу Российской империи, который должен быть при дверях церковных снаружи при каждой по два рядовых, а внутри – унтер-офицеры. При теле же находиться будет денно и ночью дежурство, состоящее из штаб- и обер-офицеров²⁶. Как свидетельствуют архивные документы, в монастыре у гроба с телом полководца дежурство несли 30 офицеров²⁷.

К сожалению, не удалось выявить документы, где было бы точно указано, в какой именно церкви Троице-Сергиева монастыря стоял гроб с телом М.И. Голенищева-Кутузова. В 1813 г. на территории монастыря находилось три действующих церкви: церковь преподобного

Сергия Радонежского (деревянная церковь освящена в 1735 г., заменена каменной в 1756–1758 гг.), собор Пресвятой Троицы (построен в 1756–1760 гг.), церковь во имя святого мученика Валериана (построена в 1805–1809 гг.). Методом исключения постараемся найти ответ на данный вопрос. Вряд ли гроб с телом выдающегося российского полководца могли поместить в церкви преподобного Сергия Радонежского. Церковь была одноэтажной и довольно тесной, находилась в северной (дальней от дороги) части монастыря. Кроме того, из-за скудного финансирования монастыря она была в плачевном состоянии²⁸. Ещё менее подходила для этих целей церковь во имя святого мученика Валериана, построенная над могилой графа Валериана Александровича Зубова, с инвалидным домом на 30 человек «увечных воинов».

По нашему мнению, только каменный пятиглавый храм во имя Святой Живоначальной Троицы, построенный в 1756–1760 г. под руководством Ф.-Б. Растрелли по проекту П.А. Трезини, мог стать достойным местом временного пристанища почившего в бозе светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова Смоленского. Собор, несмотря на небольшие размеры («в длину с папертью 14¹/₂ сажен, в ширину 14 сажен и 2¹/₂ аршины, в высоту с главным куполом 16 сажен»²⁹), являлся доминантой архитектурного ансамбля монастыря. Снаружи он был обильно украшен барочными колоннами и пилястрами с затейливыми капителями и фигурами лепной работы, а внутри располагался высокий золоченый иконостас. Строгим изяществом были отмечены и его пять свободно расставленных куполов, увенчанных «вызолоченными чрез огонь четырёхконечными крестами». Два ряда окон, из коих верхние – круглые, освещали собор. Собор был «холодный» (т.е. неотапливаемый). Вмещал 600 человек. Главный придел собора был освящён 10 (21) августа 1763 г. архимандритом Лаврентием (Хонятовским) в присутствии императрицы Екатерины II. На освящении собора присутствовал и наследник престола цесаревич Павел Петрович (будущий император Павел I). В 1799 г. был произведён капитальный ремонт собора: на колокольне вместо шпиля сооружён купол и заменена кровля собора. На наш взгляд, вышеперечисленные обстоятельства также могли сыграть важную роль при выборе места временного пребывания останков Михаила Илларионовича.

В Стрельне кортеж с телом покойного М.И. Голенищева-Кутузова был встречен многочисленной делегацией родственников, духовенством, чиновниками военного и гражданских ведомств. Ковчег с

останками светлейшего князя был переставлен на городовую печальную колесницу, доставленную заблаговременно из Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря. После отправления литии траурная процессия направилась в Троице-Сергиеву пустынь. Впереди шло духовенство, возглавляемое представителем Святейшего Правительствующего Синода епископом Горийским, викарием епархии Карталинской Досифеем (Пицхелаури). По обе стороны печального кортежа шли 30 факельщиков из числа тамошних селян³⁰. От Стрельни и до самого монастыря колесницу везли местные жители «всякого звания, состояния, возраста и пола, стекавшиеся из всех мест в великом множестве для воздаяния последней почести праху сего достопочитаемого полководца»³¹. В шесть часов пополудни процессия достигла монастыря. У ворот гроб встречал настоятель Троице-Сергиевой пустыни архимандрит Мефодий (Пишнячевский). Ковчег был поднят и внесён в церковь. Ф.М. Синельников в своей книге отметил, что «по внесении в церковь тело переложено было в великолепный гроб»³². Необходимо уточнить, что в деревянный гроб, изготовленный в Санкт-Петербурге, был переложён ковчег (металлический гроб) с телом покойного³³. Вряд ли кому-нибудь из организаторов похорон пришла в голову мысль вскрыть цинковый ящик с разлагавшимися останками князя, которые везли из Пруссии в Россию почти месяц.

Восемнадцать суток находился в Троице-Сергиевом монастыре гроб с телом покойного князя в ожидании высочайшего повеления о месте погребения и подготовке печального церемониала. В 1958 г. слушатель Санкт-Петербургской духовной академии В. Котляров в своей дипломной работе писал: «Толпы жителей [Санкт]-Петербурга спешили идти и ехать в [Троице-Сергиеву] пустынь, где с рыданием встречали погребальную колесницу. Во всё восемнадцатисуточное время, день и ночь толпились окрест гроба приходившие поклониться вождю русских сил, слушая ежедневно совершаемые божественные литургии и тихое пение многочисленных панихид»³⁴.

В последующем судьбы потомков и родственников М.И. Голенищева-Кутузова самым тесным образом оказались связаны с Троице-Сергиевой пустынью. Здесь на монастырском кладбище нашли упокоение две дочери Михаила Илларионовича, его зять, внуки, внучка, правнук и правнучки:

дочь – Анна Михайловна, вдова генерал-майора Николая Захаровича Хитрово (скончалась 5 (17) февраля 1846 г.);

дочь – Дарья Михайловна, вдова обер-гофмейстера Фёдора Петровича Опочинина (скончалась 5 (17) апреля 1854 г.);

зять – обер-гофмейстер Фёдор Петрович Опочинин (скончался 20 декабря 1852 г. (1 января 1853 г.));

внук – флигель-адъютант полковник Константин Фёдорович Опочинин (скончался 18 (30) января 1848 г.);

правнучка – графиня Дарья Константиновна Богарне (урождённая Опочинина), супруга его императорского высочества князя Романовского, герцога Лейхтенбергского Евгения Максимилиановича (скончалась 7 (19) марта 1870 г.);

внук – отставной генерал-майор Павел Матвеевич Голенищев-Кутузов-Толстой (П.М. Толстой, как старший в роду отца, в 1859 г. получил право добавить к своей фамилии Голенищев-Кутузов), старший сын Прасковьи Михайловны Толстой (урождённой Голенищевой-Кутузовой) (скончался 27 февраля 1883 г.);

внучка (по мужу) – Мария Константиновна Толстая (урождённая Бенкендорф), супруга действительного статского советника камергера Павла Матвеевича Толстого (скончалась 31 октября (12 ноября) 1844 г.);

правнучка – Наталья Павловна Толстая, дочь флигель-адъютанта Павла Матвеевича Толстого (скончалась 25 июня (7 июля) 1839 г. на третьем году жизни);

правнук – Константин Павлович Толстой, сын генерал-майора Павла Матвеевича Толстого (скончался 6 (18) августа 1852 г. на девятом году жизни)³⁵.

К сожалению, антицерковная политика советской власти и тяжёлые бои Великой Отечественной войны (1941–1945 гг) стерли с лица земли следы захоронений родственников М.И. Голенищева-Кутузова на территории Троице-Сергиева монастыря. Могилы потомков и родственников знаменитого российского полководца утрачены.

Пока тело генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова находилось в Троице-Сергиевом монастыре, в Санкт-Петербурге работала печальная комиссия, учреждённая для организации похорон. Возглавлял комиссию исполняющий должность обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода князь Александр Николаевич Голицын. Помимо представителей благороднейшего дворянства, в состав комиссии входили чиновники от различных ведомств и архитекторы с помощниками. Изучив архивные документы и

историческую литературу, можно утверждать, что деятельность комиссии во многом основывалась на предыдущем опыте погребения высочайших особ императорской семьи. Это свидетельствует о том, что оказанные светлейшему князю при погребении почести были сопоставимы с монаршими.

Основными задачами комиссии были: финансирование всех расходов, связанных с погребением; разработка плана траурного церемониала; закупка различных материалов (тканей, фурнитуры, канатов, строительных материалов, металлических изделий, свечей и т. п.), необходимых для погребения; заключение договоров с мастерами, художниками, резчиками, плотниками, каменщиками на выполнение работ по оформлению траурного зала и места погребения; наем транспорта (лошадей и колясок) для перевозки задействованных в траурных мероприятиях чиновников и духовенства; аренда или изготовление траурной одежды для участников печального церемониала; подготовка места захоронения и печальной колесницы для перевозки гроба; подбор участников печального церемониала и распределение между ними функций; рассылка приглашений... Этот перечень можно было бы продолжить. Завершающим этапом в деятельности печальной комиссии стал отчёт о расходовании денежных средств.

Одним из главных вопросов в работе печальной комиссии, как свидетельствуют источники, оказалось финансирование расходов, связанных с погребением М.И. Голенищева-Кутузова. Когда весть о смерти князя дошла до Санкт-Петербурга, выяснилось, что у семьи нет денег на похороны. Михаил Михайлович Бакунин, гражданский губернатор Санкт-Петербурга (и родственник М.И. Голенищева-Кутузова³⁶), в письме министру финансов Д.А. Гурьеву от 15 мая 1813 г. сообщает: «Милостивый государь мой Дмитрий Александрович. Главкомандующий в С[анкт]-Петербурге [С.К. Вязмитинов] объяснялся со мною, что на сих днях привезено сюда будет тело покойного генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского, а высочайшего повеления о погребении онаго он ещё не получил. Так как по привозе тела должно будет тотчас приступить к погребению, княгиня же Катерина Ильинична отозвалась, что она денег на то вовсе не имеет, то я считал необходимым снабдить оными главкомандующего в С[анкт]-Петербурге из казны. Он полагает, что на первый случай нужно ему

до десяти тысяч рублей. Посему не благоугодно ли будет Вашему высокопревосходительству отпустить ему сия сумму, а я между тем предложу Комитету министров, как о сем отпуске, так и о том, не признает ли он за благо разрешить Вас на удовлетворение и всех вообще расходов, какие по сему случаю лежать будут, о чём не примину с моей стороны донести и Его Императорскому Величеству»³⁷.

Можно предположить, что вопрос об источнике и размерах финансирования похорон М.И. Голенищева-Кутузова согласовывался с императором, так как официальное решение было принято Комитетом министров лишь 6 (18) июня 1813 г., т.е. спустя три недели после обращения М.М. Бакунина. Видимо, господа министры не исключали возможности финансовых злоупотреблений со стороны санкт-петербургского гражданского губернатора³⁸, поэтому деньги для погребения были отписаны в распоряжение главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии С.К. Вязмитинова. 8 (20) июня 1813 г. управляющий делами Комитета министров П.С. Молчанов сообщал министру финансов Д.А. Гурьеву: «Комитет министров в заседании 6-го сего июня по записке главнокомандующего в С-Петербурге об ассигновании суммы на издержки для совершения печального обряда при погребении тела покойного генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова Смоленского положил – так как основание церемониала о почестях при погребении поручено родственнику покойного сенатору Бакунину, то о суммах на издержки по сему случаю нужных относить ему к главнокомандующему в Санкт-Петербурге, по требованиям коего отпускать оные из казны»³⁹.

Что касается денежных средств, потраченных казной на погребение светлейшего князя, то они оказались довольно внушительны – 79 061 руб. 61 коп.⁴⁰ К этой сумме необходимо добавить ещё расходы, связанные с перевозкой тела М.И. Голенищева-Кутузова из Пруссии в Россию. С.К. Вязмитинов в своем письме Д.А. Гурьеву от 16 (28) июня 1813 г. пишет: «Гвардии Уланского полка ротмистр [К.А.] Дзичканец, сопровождавший тело покойного генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Кутузова Смоленского с места кончины его светлости до Санкт-Петербурга, рапортует мне от 10-го сего июня, что сверх выданных ему при отправлении на путевые издержки 3 416 талеров саксонскими ассигнациями и частично монетой, за которые при промене получил 965 [рублей], в продолжении дороги передержано ещё 675 червонных и 1500 рублей нашими ассигнациями»⁴¹.

Министр финансов удовлетворил ходатайство о возмещении ротмистру К.А. Дзичканцу дорожных расходов в сумме 675 червонных рублей и 1500 руб. ассигнациями. Правда, казначейству было предписано выдать офицеру «вместо червонных [рублей] ассигнациями по настоящему курсу»⁴². Читая этот документ с министерской резолюцией, невольно приходишь к выводу – сущность чиновников от финансов за последние двести лет мало изменилась. Таким образом, общая сумма денежных средств, выделенных на погребение М.И. Голенищева-Кутузова, составила около 90 тыс. руб. Для сравнения заметим, что похороны императора Павла I (1801 г.) обошлись казне в 108 218 руб.; траурные мероприятия императора Александра I (1826 г.) – 822 971 руб. (ассигнациями)⁴³.

Другой важный вопрос, стоявший перед печальной комиссией, заключался в выборе места захоронения М.И. Голенищева-Кутузова. В 1813 г. в Санкт-Петербурге было три места, где могли похоронить выдающегося российского полководца: 1) Собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла, 2) Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, 3) Собор Казанской иконы Божией Матери. Петропавловский собор изначально не мог рассматриваться как место захоронения Михаила Илларионовича, так как ещё со времен Петра I он стал усыпальницей российских императоров и членов их семей. Выбор оставался между Александро-Невским монастырем и Казанским собором. В Нижней Благовещенской церкви Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря находилась могила генералиссимуса А.В. Суворова, и было бы вполне логично здесь же похоронить его ученика генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова. В этой же церкви погребён и родственник Михаила Илларионовича президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Иван Логгинович Голенищев-Кутузов, в доме которого продолжительное время жил и воспитывался будущий полководец. Однако выбор был сделан в пользу собора Казанской иконы Божией Матери. Кто определил место упокоения светлейшего князя? Этот вопрос интересует многих читателей. Изучение архивных документов позволяет ответить на этот вопрос вполне определенно – император Александр I.

На письме главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии С.К. Вязмитинова, в котором испрашивалась высочайшая воля о месте погребения тела покойного М.И. Голенищева-Кутузова, монарх собственноручно написал: «Мне кажется прилич-

ным положить его для почести в Казанском соборе, украшенном его трофеями»⁴⁴. 11 (23) мая 1813 г. граф А.А. Аракчеев, находившийся в это время при императоре в Главной квартире союзных монархов в селении Обер-Гредиц (в Силезии), сообщал письмом исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода князю А.Н. Голицыну высочайшую волю: «Государь император изволил полагать... тело покойного фельдмаршала светлейшего князя Голенищева-Кутузова Смоленского для почести положить в Казанском соборе, украшенном его трофеями, о чём и представляет вашему сиятельству снести с митрополитом и сделать ваше распоряжение общее с главнокомандующим в С-Петербурге»⁴⁵.

Чем руководствовался Александр I, останавливая свой выбор на Казанском соборе? Ведь в 1813 г. он не был таким престижным, каким является в настоящее время. Ряд историков считают – выбор был обусловлен тем, что Казанский собор, «будучи тогда кафедральным, являлся одним из основных официальных идеологических центров». В.Д. Мелентьев в своей книге «Фельдмаршалы победы» отмечал: «В период всенародной борьбы с врагом, потребовавшей огромного напряжения духовных сил нации, мобилизующая роль этого центра была велика. Значение собора возросло ещё более, когда он превратился в пантеон русской военной славы, в средоточие трофеев Отечественной войны»⁴⁶. Это утверждение не в полной мере соответствует истине. Освященный накануне войны, 15 (27) сентября 1811 г., Казанский собор не имел статуса кафедрального⁴⁷. В XIX в. это была обычная приходская церковь. В некоторых официальных документах того времени она часто именуется как «Казанская церковь». Именно погребение М.И. Голенищева-Кутузова в соборе Казанской иконы Божией Матери во многом определило его дальнейшую судьбу. По нашему мнению, захоронение останков М.И. Голенищева-Кутузова в новом соборе было частью плана императора превратить его в символ победы Российской империи над объединенной Европой, в символ победы православия над католицизмом. Вспомним, как воспринималась в России война с наполеоновской Францией и её союзниками? Это была война с антихристом, война за сохранение православной веры.

Ещё меньшее отношение к выбору места захоронения М.И. Голенищева-Кутузова имеет А.Н. Воронихин. Утверждать, что талантливый архитектор А.Н. Воронихин мог определять место захоронения М.И. Голенищева-Кутузова абсурдно. Задумайтесь, кто в начале XIX

в. в России будет спрашивать у бывшего крепостного совета, куда положить тело покойного светлейшего князя? Роль Андрея Никифоровича заключалась лишь в выборе места могилы внутри собора. Это подтверждается и материалами из фондов РГИА.

Даже Святейший Правительствующий Синод, как явствует из документов, оказался причастным лишь опосредованно к выбору места захоронения полководца. Анализ переписки синодального обер-прокурора А.Н. Голицына и митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия позволяет утверждать, что духовенство в этом вопросе было лишь исполнителем уже принятых решений.

31 мая (12 июня) 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов и исполняющий должность обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода А.Н. Голицын практически одновременно получают от графа А.А. Аракчеева письма с объявлением воли Александра I. Ещё не зная о том, что С.К. Вязмитинов уже получил распоряжение об организации похорон М.И. Голенищева-Кутузова, А.Н. Голицын спешит уведомить главнокомандующего: «Государь император чрез графа Алексея Андреевича Аракчеева указать соизволил, чтобы тело покойного фельдмаршала светлейшего князя Голенищева-Кутузова Смоленского положить для почести в Казанский собор, который украшают его трофеями. Предоставляем уведомить митрополита, и нужно для того распоряжение сделать с Вашим высок[опревосходительством] во исполнение сей высоч[айшей] воли. Митрополита я уведомил, чтобы он приказал допустить архитектора [А.Н. Воронихина], от Вас присланного, к работе. А Вашему высокопревосходительству не угодно ли будет приказать архитектору Воронихину, так как строил выше помянутый собор, чтобы он, избрав приличное место, доложил Вам, и когда опробуете, то приступил бы немедленно к приуготовлению могилы... Кажется, приличнее места не может быть в соборе как там, где предполагалось класть плащаницу, или в противную сторону под образом Чуда Богородицы»⁴⁸.

В этот же день синодальный обер-прокурор доводит распоряжение императора до митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия: «Государю императору угодно, чтоб тело покойного фельдмаршала светлейшего князя Голенищева-Кутузова Смоленского положено было для почести в Казанском соборе, который украшен его трофеями. Имея честь сообщить монаршую волю, прошу Ваше вы-

сокопреосвященство сделать распоряжения о допущении архитектора Воронихина приуготовить место»⁴⁹. Таким образом, источники свидетельствуют, что никаких дискуссий о месте захоронения тела Михаила Илларионовича (о чём пишут некоторые авторы) не было. Была монаршая воля, которую предстояло исполнить в точности.

2 (14) июня 1813 г. Санкт-Петербургская духовная консистория предписала протоиерею Собора Казанской иконы Божией Матери Иоанну Сырохнову с братией и церковным старостой санкт-петербургским купцом первой гильдии Степаном Коносовым, «чтоб для приуготовления места к погребению тела покойного князя Кутузова Смоленского допущен был к делу архитектор Воронихин, когда он явится; равно и прочее, потребное с духовной стороны, учинено б было приуготовление»⁵⁰.

В соборе Казанской иконы Божией Матери начались масштабные работы по подготовке к погребению тела М.И. Голенищева-Кутузова. Оформление залы было поручено архитектору А.Н. Воронихину. Он хорошо понимал, что церемониал погребения и внутреннее убранство Казанского собора должны символизировать всеобщую скорбь и показать заслуги генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова перед Отечеством в минувшую войну. Стены, пилоны и окна внутри собора были задрапированы чёрной тканью, это подчёркивало печальную торжественность события. В центре залы по проекту А. Н. Воронихина началось сооружение катафалка для установки гроба. Над изготовлением катафалка трудились плотник Василий Кондратьев и столяр Петр Демидов⁵¹, кузнечные работы выполнял Петр Юдицын⁵².

Место для могилы было определено в северо-восточной части собора напротив придела святых Антония и Феодосия Киево-Печерских. Для сооружения могилы потребовалось вскрытие каменного пола внутри церкви и частичная разборка сводов подвала. Эту работу выполняла бригада рабочих под руководством каменотесных дел мастера Грауфа⁵³. Оборудование могилы (склепа) было поручено подрядчику Сергею Степанову⁵⁴. Склеп соорудили в подвальном помещении собора, для чего потребовалось около 6 тыс. кирпичей. Внутренняя часть склепа была обита досками и обтянута чёрной тканью. По периметру могилу оградил деревянными перилами, выкрашенными в чёрный цвет.

За стенами собора также шла активная подготовка к проведению траурной церемонии. План церемониала погребения М. И. Голенищева-Кутузова был разработан в церемониальном департаменте

Министерства императорского двора и уделов. Проанализировав архивные документы, можно предположить, что непосредственным разработчиком был правитель дел церемониального департамента Алексей Сергеевич Охлопков⁵⁵.

Одной из важных задач организаторов была заготовка вещей и материалов, необходимых для погребения. Комиссия весьма экономно расходовала выделенные деньги. Все поступления и расходы заносились в специальную книгу. При проведении траурных мероприятий старались максимально использовать имущество и вещи, оставшиеся от предыдущих погребений. Так, например, печальная колесница, на которой гроб с телом М. И. Голенищева-Кутузова везли от слободы до Троице-Сергиевой пустыни, балдахин и табуреты под награды полководца были доставлены в Троице-Сергиеву пустынь из Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря. Часть вещей, прежде всего траурная одежда (плащи, шляпы, перчатки), брались в прокат у частных лиц или заказывались портным. Арендована была и генеральская шпага с темляком, которую возлагали на гроб светлейшего князя. За её прокат иностранцу Натье было выплачено 60 руб.⁵⁶ В довольно приличную сумму обошелся казне прокат у того же Натье четырёх страусиных перьев, украшавших балдахин печальной колесницы во время перевозки тела в Казанский собор 11 (23) июня 1813 г. – 400 руб.⁵⁷

Недостающее имущество закупалось на вольном рынке. По сложившейся традиции Печальная комиссия приглашала к сотрудничеству купцов, хорошо зарекомендовавших себя ранее при проведении подобных мероприятий. Ткани для оформления собора, катафалка, траурной кареты, печальной колесницы, обивки гроба были поставлены Санкт-петербургскими купцами Михаилом Шатохиным и Василием Нащокиным; свечи для освещения церкви в Троице-Сергиевой пустыни и Казанского собора в Санкт-Петербурге, а также ручные свечи – купцом Гаврилой Титовым; древесина (бревна, брус, доски) для сооружения катафалка и «фронта» перед Казанским собором – купцом Иваном Скрыбиным⁵⁸.

Изготовление фамильных гербов было поручено Лаврентию (Лоренцу) Самуиловичу Витбергу (отцу знаменитого российского художника и архитектора А.Л. Витберга (1787–1840), автора первого (неосуществлённого) проекта храма Христа Спасителя в Москве). Мастером было изготовлено 28 гербов: три герба (дворянского,

графского и княжеского достоинства) предназначались для приставов, следовавших в составе траурной процессии; часть гербов нашивались на попоны, которыми покрывались верховые и цугные лошади; княжеские гербы были помещены на траурной карете печального кортежа; гербы фамилии украшали и катафалк, установленный в соборе Казанской иконы Божией Матери⁵⁹.

Для оформления катафалка эмблемами, коронами и венками был привлечен живописец Скотти⁶⁰. Художник Карл Фохт расписал 88 знамен, украшавших своды Казанского собора⁶¹. Объемные украшения (короны, орлы, венки, рамы) были изготовлены резчиками Лебланом, Кретином и Карлом Сигизмундом⁶². Гипсовые модели фигур, символизирующих четыре добродетели (благоразумие, твердость духа, мужество и человеколюбие), были вылеплены и отлиты знаменитым скульптором Степаном Степановичем Пименовым (автором статуй русских князей святого Владимира и святого Александра Невского, установленных в нишах Казанского собора, а также скульптурного оформления арки Главного штаба на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге)⁶³. Позолотные работы были выполнены мастером Остенгреном⁶⁴.

Таким образом, мы видим, что к оформлению церемониала погребения М.И. Голенищева-Кутузова были привлечены выдающиеся отечественные художники, архитекторы и мастера, чьи произведения в дальнейшем обогатили русскую культуру.

Наконец, все подготовительные работы завершились, и был назначен день перевезения тела покойного генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова из Троице-Сергиевой пустыни в собор Казанской иконы Божией Матери. 9 (21) июня 1813 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов сообщал А.Н. Голицыну: «При сем имею честь препроводить проект распоряжения, сделанного к перевезению тела покойного генерал-фельдмаршала князя [М.И.] Голенищева-Кутузова Смоленского из пустыни Сергиевской в церковь Казанского собора и о погребении онаго; первому назначается быть в среду 11-го, а погребение в пятницу 13-го сего июня»⁶⁵.

11 (22) июня 1813 г. в одиннадцать часов в Троице-Сергиевой пустыни собрались представители духовенства, родственники Михаила Илларионовича, а также другие особы, пожелавшие «изъявить усердие сему знаменитому мужу и сопроводить тело его в столицу»⁶⁶. В Свято-Троицком соборе преосвященным Досифеем с обер-священниками и армейским духовенством была отслужена панихида над телом

усопшего. После чего гроб был установлен на печальную колесницу под балдахином, запряжённую в шесть лошадей под чёрными попонами, на которых были нашиты гербы фамилии светлейшего князя. Лошадей вели под уздцы шесть человек, облаченные в чёрные епанчи и чёрные шляпы с распущенными полями, украшенные флёром.

Сверху гроб был накрыт специальным покровом из золотого глазета с большими золотыми кистями по углам. Шнуры балдахина держали четыре обер-офицера, а гроб – четыре штаб-офицера, стоявшие на ступенях колесницы. Тем же порядком, что и в день привезения тела в монастырь, кортеж тронулся в сторону столицы. Впереди следовала полицейская драгунская команда в составе двух взводов (четыре унтер-офицера и 29 рядовых)⁶⁷. Затем шествовало духовенство, возглавляемое преосвященным Досифеем и архимандритом Мефодием. За печальной колесницей шли родственники и близкие светлейшего князя. Замыкала шествие военная команда в количестве 50 человек, находившаяся в монастыре для караула⁶⁸.

Маршрут движения был тщательно продуман и проходил по основным проспектам, улицам и площадям города: по Петергофской дороге через Калинин мост, Петергофским проспектом до Морского собора Святителя Николая Чудотворца и Богоявления, далее через Театральную площадь и Поцелуев мост, от него направо по набережной реки Мойки, по Средней Морской улице, через Исаакиевскую площадь, по Большой Морской улице на Невский проспект, по Невскому проспекту через Полицейский (Чугунный) мост, правой стороной тротуара к собору Казанской иконы Божией Матери⁶⁹.

На границе Санкт-Петербурга за каменным мостом через р. Таракановку процессию встречали: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов, управляющий Военным министерством генерал от инфантерии князь А.И. Горчаков, член Государственного Совета генерал от кавалерии А.П. Тормасов, а также министры, сенаторы, знатные особы, военные и гражданские чиновники, дворяне, купцы и «всякого звания народ в бесчисленном множестве». Здесь же вновь была отслужена лития.

Маршрут от Троице-Сергиевой пустыни до собора Казанской иконы Божией Матери был протяжённый (почти 20 верст), поэтому во время движения процессии происходила периодическая смена духовенства, сопровождавшего гроб. От деревни Ульянки до Нарв-

ской заставы процессию сопровождал архимандрит Герцеговинский Арсений; от заставы до Морского Богоявленского Никольского собора – архиепископ Минский; от Морского собора до Полицейского (Чугунного) моста на Невском проспекте – архиепископ Рязанский⁷⁰.

Вся дорога от Троице-Сергиевой пустыни до границы города и улицы столицы были устланы зеленью, а в некоторых местах и цветами. Для этого крестьянами окрестных деревень (Большого и Малого Мурина, мызы Парголова, Новой деревни, мызы Лигова, деревни возле Монастырской слободы, а также екатерингофских деревень) было заготовлено 255 возов ельника⁷¹. От каменного моста вдоль дороги был выстроен почётный караул в составе семи батальонов пехоты, четырёх эскадронов кавалерии и 11 орудий⁷². По улицам Санкт-Петербурга печальная процессия должна была следовать особым порядком в соответствии с разработанным и утверждённым церемониалом. Однако жители столицы, переполненные чувством благодарности к светлейшему князю, внесли свои коррективы в планы чиновников церемониального департамента. Как только печальная колесница въехала в пределы города, они выпрягли лошадей и «везли на раменах своих драгоценный прах спасителя Отечества до Казанского собора»⁷³.

Один из современников⁷⁴ так описывает это событие: «Забыты были чины, звания, отличия. Сановники теснились наряду с бедными, нищими братьями, брались за верёвки, укрепленные у колесницы, и среди непроходимой толпы народа при общей горести везли Кутузова к тому священному храму, где за десять месяцев прежде видели его грядущим на „великое дело“ спасти Отечество»⁷⁵.

Шествие траурной процессии по улицам Санкт-Петербурга стало кульминацией всех траурных мероприятий. Очевидец этих событий Н.И. Тургенев писал А.И. Михайловскому-Данилевскому: «Все улицы, где везли фельдмаршала, были заполнены народом, все зрители плакали»⁷⁶. Погребение М.И. Голенищева-Кутузова – это большой «спектакль», где каждому участнику в соответствии с его социальным статусом отводилась своя строго определенная роль. Каждый элемент церемониала должен был подчеркнуть траурный характер мероприятий, скорбь об усопшем и воздать должное его заслугам.

Вот как архивные документы описывают процессию, сопровождавшую гроб с телом покойного генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова по улицам Санкт-Петербурга⁷⁷.

- 1) Отряд конной полиции (два взвода драгунов).
- 2) Домоправитель в траурном платье, имея чёрный шарф через плечо.
- 3) Десять лакеев в чёрных кафтанах, имея аксельбанты по гербу из лент; за ними шесть официантов без аксельбантов в траурных кафтанах и в башмаках шли по два в ряд.
- 4) Берейтор верхом в траурном платье.
- 5) Две заводные верховые лошади, покрытые чёрными попонами с нашитыми на них гербами фамилии, следовали одна за другой. Каждую вел денщик, имея на шляпе и руке траур.
- 6) Траурная верховая лошадь под длинной попоной, на которой был изображён большой фамильный герб и которую вели два денщика в приличном трауре.
- 7) Берейтор в траурном платье верхом.
- 8) Два скорохода в траурном одеянии, двое ездовых верхами в траурном одеянии с аксельбантами.
- 9) Траурная карета, заложенная шестеркой лошадей, кучер и фрейтор в траурном одеянии с аксельбантами. Карета обита чёрным сукном, а по сторонам на оной гербы фамилии, шоры на лошадях обиты чёрным сукном. С каждой стороны кареты шли по два лакея в черных кафтанах, имея на плече аксельбанты из лент. У колес ехал берейтор в чёрном одеянии.
- 10) Берейтор верхом в цветном платье.
- 11) Две верховые заводные лошади под цветными попонами следовали одна за другою. Каждую вел денщик без траура.
- 12) Верховая парадная лошадь (лейб-ферд⁷⁸) в богатом уборе, которую вели под уздцы два денщика без траура.
- 13) Маршал⁷⁹ (или церемониймейстер) при чиновниках, несших гербы, имея шарф чёрный с белым крестом через плечо.
- 14) Герб дворянского достоинства нёс чиновник, имея двух ассистентов.
- 15) Герб графского достоинства нёс чиновник, имея двух ассистентов.
- 16) Герб достоинства князя Смоленского нёс чиновник, имея двух ассистентов.
- 17) Санкт-петербургское купечество по двое в ряд, имея впереди градского главу.
- 18) Маршал (или церемониймейстер) при чиновных особах, имея шарф чрез плечо.

19) Комитет Санкт-Петербургского ополчения, чиновники и члены оно по два в ряд, имея старшего в предшестве.

20) Губернский предводитель дворянства Санкт-Петербургской губернии.

21) Дворянство Санкт-Петербургской губернии по двое в ряд; каждый уезд, имея впереди своего предводителя (или депутата) дворянства.

22) Маршал (или церемониймейстер) при орденах, имея шарф через плечо.

23) Награды иностранные: Прусский орден Красного Орла, Прусский орден Чёрного Орла, Австрийский орден Марии Терезии.

24) Награды российские: Святого Иоанна Иерусалимского, Святой Анны, Святого Владимира, Святого Георгия, Святого Александра Невского, Святого Андрея Первозванного, Знак портрета государя императора.

Сии знаки отличия несли чиновники по старшинству чинов, младшие впереди, каждый имея при себе по два ассистента.

Ф.М. Синельников в своей книге утверждал, что кроме орденов, чиновники несли маршальский жезл и шпагу, «осыпанную бриллиантами и с лавровым венцом»⁸⁰. В архивных документах об этом сведений нет. Анализ источников позволяет сделать вывод – во время погребения на гроб полководца была возложена шпага, арендованная у Натъе. Что касается утверждения Ф.М. Синельникова о том, будто она была украшена бриллиантами, то это явное преувеличение. По нашему мнению, шпагу украшали стразы, которые широко использовались в конце XVII – начале XVIII в. при изготовлении парадного оружия.

Ещё один интересный факт, связанный с погребением генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова, удалось выявить в ходе исследования. До настоящего времени считалось, что во время печального шествия несли подлинные награды полководца. Однако при изучении архивных документов автору удалось установить, что прусские ордена (орден Красного Орла и орден Чёрного Орла) для траурных мероприятий в Санкт-Петербурге были арендованы у купца Михаила Шатихина, которому выплачено 40 руб. «за прокат двух прусских орденских знаков и двух звёзд»⁸¹. По всей видимости, это связано с тем, что ордена, которыми Фридрих Вильгельм III награждал российского главнокомандующего в Бунцлау, были возвращены в Главную орденскую комиссию Пруссии сразу же после смерти

Михаила Илларионовича в соответствии с существовавшими в то время правилами. Так, например, в соответствии со статутом ордена Чёрного Орла после смерти награжденного наследники обязаны возвратить казначею ордена, выданные награжденному, крест, мантию, шляпу, шпагу и цепь в трёхдневный срок. Статут ордена Красного Орла требовал возврата награды в течение трёх месяцев. При проведении траурных мероприятий организаторы вынуждены были использовать вместо подлинных наград главнокомандующего муляжи.

25) Маршал (или церемониймейстер) из чиновников, имея шарф через плечо.

26) Певчие и духовенство по сторонам. Поодаль оных и печальной колесницы шли с факелами 80 человек в чёрных епанчах, имея на головах распущенные шляпы с флёром.

27) Печальная колесница под балдахином.

Колесница, выполненная в традиционном стиле (на двух осях и четырёх колесах), была обита чёрным бархатом. Витые золоченые штанги поддерживали балдахин из золотого глазета. На куполе балдахина покоилась золоченая резная княжеская корона. Сами штанги венчали белые страусиные перья. Гроб с телом М.И. Голенищева-Кутузова был укрыт специальным покрывалом. Шнуры балдахина поддерживали четыре штаб-офицера из свиты его светлости, а гроб – за скобы четыре адъютанта главнокомандующего, стоявшие на ступенях колесницы. Ещё четыре штаб-офицера поддерживали концы покрывала, уложенного на гроб. Поодаль по сторонам шли четыре фельдъегеря. Первоначально, как мы писали об этом выше, печальную колесницу везли шесть лошадей, запряжённых цугом. Однако горожане выпрягли лошадей и везли колесницу на себе по улицам Санкт-Петербурга.

28) За колесницею следовали родственники Михаила Илларионовича и особы, приглашенные и пожелавшие сопроводить тело покойного.

29) Войска, по уставу назначенные.

30) Отряд конной команды.

К участию в печальном шествии предполагалось привлечь и учащих кадетских корпусов: Первого кадетского, Второго кадетского, Военно-сухопутного, Морского, Горного и Пажеского⁸². Организаторы траурных мероприятий помнили, что в 1794–1797 г. М.И. Голенищев-Кутузов был директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса

(в последующем переименованного в Первый кадетский корпус) и многое сделал для совершенствования подготовки военных кадров. Однако в окончательном варианте плана этот пункт был исключен, и кадеты провожали прославленного полководца только в качестве зрителей.

Вдоль колоннады Казанского собора на Невской площади были поставлены войска в две шеренги при знамени с «надлежащим числом обер-офицеров». «При дверях церковных вне оной стояли по два человека рядовых, а внутри – по два унтер-офицера. Полицейские чиновники с командой нижних чинов наблюдали за порядком великого скопления людей, как вне церкви, так и внутри оной»⁸³.

У Полицейского моста гроб с телом М.И. Голенищева-Кутузова был встречен знатнейшим духовенством во главе с преосвященным Амвросием, прибывшим сюда заблаговременно в экипаже⁸⁴. Процессия проследовала по Невскому проспекту, заполненному людьми, и остановилась возле главного входа собора Казанской иконы Божией Матери. Гроб был внесён в церковь и установлен на катафалк. Ордена были положены на табуреты, обитые красным бархатом. После этого духовенством была отслужена лития.

Особого внимания заслуживает гроб, в который уложили останки Михаила Илларионовича. По воспоминаниям современников, гроб был великолепен. Изготовление гробов для погребения высших лиц Российской империи поручалось лишь мастерам, заслуживающим доверия и представляющим, какие требования предъявляются к последнему ложу государственного или военного деятеля. Гроб для М.И. Голенищева-Кутузова был изготовлен столяром Левонтием Ивановичем Шилиным⁸⁵. Благодаря немногочисленным графическим работам и сухим финансовым отчётам, хранящимся в фондах РГИА, можно составить представление о внешнем виде гроба, в котором упокоился Михаил Илларионович.

Гроб имел большие размеры. Это связано с тем, что внутри него находился металлический ковчег с телом покойного. Снаружи гроб был обит венецианским бархатом темно-красного цвета и украшен золотым позументом, внутри – обтянут коленкором. Крышку украшал православный восьмиконечный крест, обрамленный золотым галуном. Гроб опирался на шесть бронзовых ножек, изготовленных в виде львиных лап. Для переноски имелось десять бронзовых скоб с изображением двуглавых орлов. Все бронзовые детали были ярко вызолочены. На торцевых стенках деревянного гроба были уста-

новлены две мемориальные пластины с медальонами, на которых изображался герб светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова Смоленского и начеканен текст. На пластине, закреплённой на гробе в ногах покойного, были начертаны следующие слова: «Михайла Ларионовичъ Князь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленский, Генераль Фельдъ Маршалъ и Главнокомандующий всѣми россійскими и прусскими Армиями, Орденовъ св. Андрѣя первозванного, св. Александра нѣвскаго, св. побѣдоноснаго Георгия 1-го класса, св. равноапостольнаго князя Владимира 1ой степени, св. Анны 1го класса, Иоанна Иерусалимскаго большаго креста, Австрійской Маріи Терезей 1ой степени, прускихъ чѣрнаго и краснаго Орла Кавалеръ

родился 1745 Году Сентября 5го дня скончался 1813 Году Апрѣля 16го дня въ Шлезии городѣ Бунцлау

Житія имѣл 67 лѣтъ, 7 мѣсяцовъ и 11 дней».

Пластина эта в настоящее время представлена в экспозиции «М.И. Кутузов и Отечественная война 1812 года» в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Какой текст был на второй пластине, нам не удалось установить. Медальон с изображением герба М.И. Голенищева-Кутузова от второй пластины находится в частной коллекции во Франции. Сама пластина, видимо, утрачена. По аналогии с другими мемориальными пластинами мы предполагаем, что на ней была написана эпитафия усопшему.

Катафалк, установленный внутри Казанского собора, был внушительных размеров и имел форму арки, сквозь которую «Царские врата и часть алтаря были совершенно видны во всю длину церкви»⁸⁶. С оружием украшали две надписи: «Благодсть сотворил еси с рабом твоим, Господи! по словеси твоему» от входа в церковь; «Паче враг моих умудрил мя еси, яко заповеди твоя взысках» от алтаря. Катафалк был обит чёрной тканью; место для гроба обтянуто малиновым бархатом с золотым позументом⁸⁷. Фронтальную часть катафалка украшали гербы фамилии светлейшего князя, а также смоленский герб. С боковых сторон наверх вели два входа с многочисленными ступенями, которые прерывались небольшими площадками. На площадках стояли обер-офицеры, принадлежавшие к свите покойного генерал-фельдмаршала.

Вверху под самым куполом парил над гробом ангел-хранитель с лавровым венком в руках. При разработке проекта А.Н. Воронихин хотел над гробом разместить четыре объемные фигуры ангелов, символизирующие четыре добродетели почившего в бозе светлейшего

князя: благоразумие, твердость духа, мужество и человеколюбие. Скульптором Степаном Степановичем Пименовым были вылеплены модели ангелов⁸⁸. «Но краткость времени не позволила того довершить, а по сему один токмо ангел-хранитель души его держал лавровый венец над тем, кому сопутствовал в течение почти 70 лет»⁸⁹.

До настоящего времени считалось, что катафалк был украшен знаменами и штандартами, захваченными русскими войсками в многочисленных войнах против Османской империи и Франции. Ф.М. Синельников писал: «Трофеи побед покойного, водружённые в различных положениях по четырём углам катафалка, восходя доверху оного, составляли сень, под коею стоял гроб, и служили причудливейшим ему балдахинном»⁹⁰. Однако в документах Печальной комиссии содержатся сведения, что для траурных мероприятий, связанных с погребением М.И. Голенищева-Кутузова в Казанском соборе, было заказано: живописцу Карлу Фохту – 88 знамён; резчику Карлу Сигизмунду – «96 копьев и древков для знамён»⁹¹; а лепщику Калепиони – «32 орлика к знамёнам», «28 копеец», «к оным же 8 гладких капителей»⁹². «...За позолоту 4 больших канделябров, составленных из пушек; за посеребрение 12 подсвечников; за позолоту 4 корон и 1 большой; за позолоту 32 орликов, 28 копьев, 8 пик, под железо сделанных; за позолоту и посеребрение 28 разных штук для турецких знамён и значков» позолотчику Остергрелу было выплачено 950 руб.⁹³ Возникает вопрос, какие всё-таки знамена и штандарты (подлинные трофеи или реплики) украшали катафалк российского полководца? Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Современники, присутствовавшие в Казанском соборе во время погребения М.И. Голенищева-Кутузова, отмечали, что катафалк был освещён великолепнейшим образом. Установленные в подсвечники 522 свечи рассекали мрак церкви⁹⁴. По углам катафалка стояли огромные канделябры, выполненные в виде артиллерийских стволов. Над их изготовлением трудились резчики Карл Сигизмунд и Леблан, позолотные работы были выполнены мастером Остергрелом⁹⁵.

Ф.М. Синельников очень точно передал замысел А.Н. Воронихина: «Желание его было представить торжественное тело покойного в недра церкви принятие, которое предназначено было оному вместо вечного обиталища, а посему, равно и по местному положению, подножие гроба его уподобить можно было торжественному к алтарю церкви входу, каковой без сомнения герой сей имел бы и при жизни

своей, для принесения Всевышнему благоговейной благодарности за услышание мольбы его в сем самом храме о спасении России от врагов. Знаки печали и слез, по мнению художника, не могли уже быть изображены на сем торжественном катафалке, а покрывали его токмо гербы, яко знаменования наследственных отличий покойного, и дорогу, по которой препровождаемо было тело его в вечное обиталище. Прочие же украшения на самом подножии катафалка, также знамена французские с венками лавровыми и турецкие с бунгчугами, долженствовали напоминать о подвигах покойного, а равно и о почестях, принадлежащих достоинствам его»⁹⁶.

Учитывая вес гроба и высоту катафалка (по нашим расчётам, не менее 3 м), организаторам погребения пришлось решать и сложную инженерную задачу, связанную с подъемом и последующим спуском гроба с катафалка. Справится с этой задачей позволил специальный механизм (лифт), сооружённый с задней стороны катафалка. Ф.М. Синельников даже в этом увидел скрытый смысл: «Самое поднятие гроба посредством механизма наверх катафалка, хотя нужно было изобрести по необходимости, в рассуждении высоты оного; однако самый сей механизм в действии своем знаменовал возвышение духа и деяния героя Смоленского»⁹⁷.

Тело покойного М.И. Голенищева-Кутузова находилось в соборе с 11 (23) по 13 (25) июня 1813 г. Два дня столица прощалась с полководцем. Два дня люди всех сословий и званий шли поклониться праху спасителя Отечества. Возле гроба круглосуточно несли дежурство 30 офицеров и чиновников военного ведомства⁹⁸. Общественный порядок внутри собора и возле него поддерживался силами городской полиции и войск Санкт-Петербургского гарнизона.

На следующий день, 12 (24) июня 1813 г., в шесть часов вечера в соборе Казанской иконы Божией Матери была учинена божественная служба, на которой присутствовали члены императорской фамилии: вдовствующая императрица Мария Фёдоровна (урождённая София Доротея Вюртембергская), супруга Александра I императрица Елизавета Алексеевна (урождённая Луиза Мария Августа Баденская), великие князья Николай Павлович (будущий император Николай I) и Михаил Павлович, а также великая княжна Анна Павловна⁹⁹. По окончании панихиды «их императорские величества и их императорские высочества соизволили поклониться телу [М.И. Голенищева-Кутузова] и оглядеть катафалк»¹⁰⁰. Затем

высочайшие особы удостоили своим посещением вдову светлейшего князя Екатерину Ильиничну Голенищеву-Кутузову.

В пятницу 13 (25) июня 1813 г. состоялось погребение тела М.И. Голенищева-Кутузова. В собор допускались только лица, имевшие специальные приглашения. Всего было отпечатано и разослано 650 пригласительных билетов¹⁰¹. К десяти часам в Казанском соборе собрались родственники и близкие покойного, духовенство, военные и гражданские чиновники, дворянство и почётное купечество. Площадь перед собором и прилегающие улицы были заполнены «великим множеством народа». По прибытии в церковь великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича началась божественная литургия. Ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет произнёс трогательную речь: «Благопоспешно бысть спасение рукою Его; и огорчи цари многи; и возвесели Иакова в делех своих, и даже до века память его во благословение»¹⁰². По окончании обряда последнего целования гроб был спущен с катафалка и установлен в могилу. очевидцы вспоминают, что во время похорон Михаила Илларионовича день был пасмурным, но «когда гроб сняли с катафалка и понесли в могилу, яркое солнце прорезало облака, осветило храм, и лучи его пали на гроб Кутузова»¹⁰³. «Вечная память!» – загремело под сводами храма, и всё смолкло в обители Божией... Трёхкратные ружейные и пушечные залпы войск, стоявших в почётном карауле возле Казанского собора, возвестили собравшимся о том, что прах генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова Смоленского предан земле.

Ф.М. Синельников с горечью писал: «Таким образом, столица сия, откуда поседельый во бранях герой Кутузов призван был на защиту Отечества, приняла в недра свои смертные остатки его и погребла оные в том самом храме, где он, в твердом уповании на Господа Сил, умолял его о благословении праведного оружия России и где ныне хранятся все трофеи знаменитых побед его! Каждый при сем случае исполнялся благими чувствованиями, видя, колкая награда и за пределом жизни воздается заслугам того, кто жертвовал собою, спасая других. Каждый проливал слезы сокрушения; каждый приносил пламенные благодарения в жертву Царю, подающему пример столь праведного воздаяния»¹⁰⁴.

После установки гроба в склеп вход в него закрыли плитой из камня, а в стену была вмонтирована мраморная рама с надписью

«Князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій. Родился в 1745м годѣ. Скончался в 1813м въ городѣ Бунцлау». Эти работы были выполнены мастером Грауфом. Бронзовые литеры (буквы) были изготовлены мастером Петром Ажисом¹⁰⁵. Им же было выполнено и украшение образа Смоленской Божией Матери над могилой полководца. В 1814 г. над захоронением была установлена ограда, изготовленная по рисунку А.Н. Воронихина.

Среди исследователей до настоящего времени идут дискуссии об авторстве проекта этой ограды. Косвенным подтверждением того, что эскиз ограды был выполнен Андреем Никифоровичем, служат обнаруженные нами в РГИА документы. Первоначально планировалось ограду отлить из чугуна на заводах известного российского заводчика и инженера Чарльза (Карла Николаевича) Берда. Договоренность была достигнута, и А.Н. Воронихин отправил заводчику эскиз. 20 июня (2 июля) 1813 г. Ч. Берд сообщал архитектору: «Чугунная решетка для надгробной [плиты] покойного князя Кутузова Смоленского по прекрасному чертежу от Вас доставленному, ежели сделать хорошо с постановлением на месте, стоять будет около трёх тысяч рублей. Чертеж при сём возвращаю»¹⁰⁶.

Однако по предложению А.Н. Воронихина проект был изменен, и комиссия приняла решение изготовить «железною с бронзою решетку»¹⁰⁷. При этом её стоимость составила уже 4 850 руб.¹⁰⁸ Выполнение заказа поручили бронзовых дел мастеру П. Ажису. В соответствии с контрактом он должен был возвести её к 10 (22) декабря 1813 г. Но в установленные контрактом сроки работа не была выполнена. По данному факту губернатором Санкт-Петербурга было назначено специальное расследование¹⁰⁹. Лишь 27 сентября (9 октября) 1814 г. могила М.И. Голенищева-Кутузова в Казанском соборе приобрела тот вид, который задумывал придать ей архитектор А.Н. Воронихиним.

История с погребением М.И. Голенищева-Кутузова была бы неполной, не внеси мы ясность в вопрос о местонахождении сердца полководца. До настоящего времени бытует мнение, что сердце Михаила Илларионовича погребено на сельском кладбище Обер-Гиллендорф (сельская гмина Болеславице, Болеславецкий повят, Нижнесилезское воеводство, Республика Польша). Эта легенда проникла не только в художественную, но и в научную литературу. Российские историки В.Д. Мелентьев, Н.А. Троицкий и другие неоднократно указывали на несостоятельность такого утверждения¹¹⁰.

25 января 1932 г. собор Казанской иконы Божией Матери был закрыт. А 15 ноября 1932 г. в здании церкви открылся Музей истории религии и атеизма. В 1933 г. по указанию первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) С.М. Кирова комиссия под руководством директора музея В.Т. Богораз-Тана произвела вскрытие могилы М.И. Голенищева-Кутузова в Казанском соборе. До сих пор не выяснено – с какой целью потревожили прах князя? Предполагают, что комиссия искала ордена генерал-фельдмаршала и его жезл. Никаких драгоценностей в гробу не оказалось. И не могло оказаться, так как в соответствии с существовавшими в XIX в. правилами, после смерти полководца все его российские ордена были сданы в Капитул Российского кавалерского ордена, а иностранные – возвращены по принадлежности.

В гробу были обнаружены останки Михаила Илларионовича и серебряный сосуд с забальзамированным сердцем князя. Процесс вскрытия могилы и гроба фотографировался, всего было сделано пять снимков. По результатам эксгумации был составлен акт, текст которого мы приводим ниже.

«Акт

Ленинград, 1933 год, сентября 4 дня. Комиссия в составе: директора Музея истории религии Академии наук СССР – профессора Богораз-Тана В.Т., ученого секретаря музея Баканова В.Л., заведующего фондами музея Воронцова К.Ф. в присутствии представителя от ПП ОГПУ т. Бараздина П.Я. составили настоящий акт о нижеследующем: Вскрыт склеп, в котором захоронен Кутузов М.И. Склеп находился в подвальном помещении музея. По вскрытии склепа обнаружен соновый гроб (обтянутый красным бархатом с золотым позументом), в котором оказался цинковый гроб, завинченный болтами, внутри которого обнаружен костяк с остатками сгнившей материи. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находится набальзамированное сердце.

Весь процесс вскрытия был зафотографирован – было произведено 5 снимков.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах.

Директор музея [подпись неразборчива].

Ученый секретарь [подпись неразборчива].

Заведующий фондами музея [подпись неразборчива].

Представитель ПП ОГПУ [подпись неразборчива]»¹¹¹.

Таким образом, практически установлено и документально зафиксировано, что М.И. Голенищев-Кутузов был погребен с соблюдением всех православных обрядов и канонов, и сердце полководца находится вместе с телом в гробу.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на сложные взаимоотношения императора Александра I и М.И. Голенищева-Кутузова при жизни, после смерти князя ему были возданы почести, которые могут быть сопоставимы с монаршими.

Во-вторых, Печальная комиссия по организации похорон Михаила Илларионовича в короткие сроки проделала огромную работу и эффективно использовала выделенные из казны денежные средства.

В-третьих, различные мифы и легенды, связанные с последними днями жизни полководца и его погребением, не имеют под собой никаких оснований и опровергаются архивными документами.

Двести лет прошло с того дня, как перестало биться сердце Михаила Илларионовича. Но память о выдающемся полководце и верном патриоте России генерал-фельдмаршале М.И. Голенищеве-Кутузове жива в народе. Его образ по-прежнему вдохновляет воинов российской армии на ратные подвиги, является примером беззаветного служения Отечеству. Ежегодно 28 апреля (в день кончины Михаила Илларионовича) в соборе Казанской иконы Божией Матери отправляется божественная литургия, а к его могиле и памятнику на Невском проспекте благодарные потомки приносят живые цветы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье все даты даны по старому и новому стилям. В скобках указана дата по григорианскому календарю.

² Жилин П.А. Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. 2-е изд. М.: Воениздат, 1983. С. 272.

³ Кутузов М.И.: Письма, записки. М.: Воениздат, 1989. С. 525.

⁴ Ивченко Л.Л. Кутузов. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 464.

⁵ Синельников Ф.М. Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова / Репринт с изд. 1813–1814 гг., испр. СПб.: Рус. симфония, 2007. С. 398.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 202. Ед. хр. 14. Л. 169.

⁷ Цит. по: Ивченко Л.Л. Указ. соч. С. 465.

⁸ Цит. по: Кутузов М.И.: Письма, записки. С. 512.

⁹ См.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов: историко-биограф. очерк. М.: Археограф. центр, 1995. С. 374.

¹⁰ Цит. по: Фельдмаршал Кутузов: документы, дневники, воспоминания / Сост. А.М. Валькович. М.: Археограф. центр, 1995. С. 445.

¹¹ См.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 374.

¹² Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 402.

¹³ См., напр.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: Центрполиграф, 2002. С. 398.

¹⁴ Архив Государственного музея истории религии (Архив ГМИР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

¹⁵ Синельников Ф.М. Указ. соч. 399.

¹⁶ Цит. по: Кутузов М. И.: Письма, записки. С. 526.

¹⁷ Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 400.

¹⁸ Цит. по: Там же. С. 400–401.

¹⁹ Там же. С. 402.

²⁰ Там же. С. 403.

²¹ *Троице-Сергиева Приморская пустынь* (мужской православный монастырь). Монастырь основан в 1732 г. архимандритом Варлаамом (настоятелем Троице-Сергиевой Лавры под Москвой). Возник на месте бывшей в петровское время приморской дачи Екатерины Иоанновны, племянницы Петра I. В первое время пустынь не имела своего штата монахов. Для совершения богослужения сюда присылались лица из числа братии Троице-Сергиевского монастыря. 12 мая 1735 г. архимандрит Варлаам освятил первую в пустыни церковь во имя преподобного Сергия. Она была деревянной и привезена из усадьбы царицы Параскевы Феодоровны на Фонтанке, где именовалась Успенской. В 1756–1760 гг. по проекту П.А. Трезини были выстроены кельи из кирпича, а в 1764 г. на углах стен появились башни. В том же году монастырь, где жило около 20 монахов, отделился от Троице-Сергиевой лавры и стал управляться собственным архимандритом. Расцвет пустыни начался в 1834 г., когда её наместником был назначен архимандрит Игнатий (Брянчанинов), автор знаменитых «Аскетических опытов». Перед Октябрьской революцией (1917 г.) в обители было семь храмов и жило около 100 человек братии, из которых по давней традиции выбирались судовые священники для русского военного флота. Пустынь содержала странноприимный дом, детский приют, женскую богадельню, небольшую школу и больницу. На монастырском кладбище были погребены усопшие члены из знатных и родовитых семей (принцев Ольденбургских, графов Апраксиных, дворянских родов Нарышкиных, Чичериных, Строгановых, Дурасовых), дочь и внук А.В. Суворова – Наталья Александровна Зубова (урождённая Суворова) и Александр Аркадьевич Суворов, зять М.И. Голенищева-Кутузова Ф.П. Опочинин, дочь М.И. Голенищева-Кутузова Дарья Михайловна Опочинина (урождённая Голенищева-Кутузова), внук М.И. Голенищева-Кутузова – Константин Фёдорович Опочинин, канцлер А.М. Горчаков, поэт И.П. Мятлев, архитекторы А.И. Штакеншнейдер и А.М. Горностаев.

²² В документе сохранена оригинальная стилистика и орфография XIX в.

²³ *Распущенная шляпа* – шляпа со свободно распущенными полями.

²⁴ *Флёр* (от фр. *fleur* – цветок) – тонкая прозрачная (преимущественно шелковая) ткань.

²⁵ *Амвон* – в данном случае слово амвон использовано в переносном смысле, речь идет о специальном помосте для установки гроба (катафалке).

²⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 90–91.

²⁷ Там же. Д. 48. Л. 6.

²⁸ Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 817. Л. 44об.

²⁹ Там же. 43.

³⁰ Там же. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 88об. По другим данным, в шествии участвовало 37 человек из числа местных селян (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 6).

³¹ *Синельников Ф.М.* Указ. соч. С. 405.

³² Там же. С. 405–406.

³³ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 88об.

³⁴ Цит. по: *Котляров В.* Троице-Сергиева пустынь Петроградской епархии (исторический очерк). Л., 1958; [http://krotov.info/libr_min/from_1/0036kotl.html].

³⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 813. Ч. 1. Л. 210–210об.

³⁶ Михаил Михайлович Бакунин был женат на Варваре Ивановне Голенищевой-Кутузовой (1773–1840), дочери Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова (дяди Михаила Илларионовича).

³⁷ РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 599. Л. 2–2об.

³⁸ Как показали последующие события, опасения финансовой нечистоплотности М.М. Бакунина оказались обоснованными. В 1816 г. М.М. Бакунин был уволен от должности Санкт-Петербургского гражданского губернатора. А через два года было возбуждено дело о злоупотреблениях в Санкт-Петербургском приказе общественного призрения в период губернаторства М.М. Бакунина. Его обвиняли в том, что он израсходовал казенные деньги на починку губернаторского дома и на покупку дров для личных целей. Дело разбиралось в Сенате и 1821 г. кончилось подведением поступков М.М. Бакунина под манифесты 1814 и 1826 гг. В 1827 г. М.М. Бакунин был окончательно уволен от службы. Неоднократные его просьбы об определении на службу остались без удовлетворения.

³⁹ РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 599. Л. 1–1об.

⁴⁰ Там же. Л. 14–14об.

⁴¹ Там же. Л. 9–9об.

⁴² Там же. Л. 10.

⁴³ *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. С. 192.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 202. Ед. хр. 14. Л. 170–170об.

⁴⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 6279. Л. 1.

⁴⁶ См., напр.: *Мелентьев В.Д.* Фельдмаршалы победы: Кутузов и Барклай де Толли. СПб.: Питер, 2012. С. 342.

⁴⁷ Собор Казанской иконы Божией Матери имел статус кафедрального Петроградской (Ленинградской) обновленческой епархии незначительный период: в марте – ноябре 1923 г. и в январе 1925 г. – январе 1932 г. В 1932 г. собор был закрыт. 15 сентября 1932 г. в здании открылся Музей истории религии и атеизма. Богослужение в храме возобновилось 25 мая 1991 г. Полное освещение собора произошло 29 марта 1998 г. В 2000 г. собор Казанской иконы Божией Матери получил статус кафедрального.

⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 6279. Л. 2–3.

- ⁴⁹ Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 813. Ч. 1. Л. 187.
- ⁵⁰ Там же. Л. 208.
- ⁵¹ Там же. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 12об.
- ⁵² Там же. Л. 14.
- ⁵³ Там же. Л. 16.
- ⁵⁴ Там же. 12об.
- ⁵⁵ См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 3–3об.; Ф. 815. Оп. 16. Д. 639. Л. 5–10об.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 9об.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См.: Книга приходная и расходная денежных сумм, принятых из государственного казначейства остаточных сумм по случаю погребения тела его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского 1813го года июля 13го дня (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 1–22).
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 76.
- ⁶⁰ К сожалению, пока не удалось установить, кто из семейства Скотти (Карл Скотти или его сыновья Джованни Батиста Скотти или Доменико Скотти) выполнял заказ в Казанском соборе.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 15об.
- ⁶² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 15; РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 75.
- ⁶³ Там же. Д. 48. Л. 17.
- ⁶⁴ Там же. Л. 15об.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 797. Оп. 2. Д. 6279. Л. 6.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 815. Оп. 16. Д. 639. Л. 7.
- ⁶⁷ См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 6; Д. 49. Л. 107.
- ⁶⁸ Там же. Д. 49. Л. 107.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 815. Оп. 16. Д. 639. Л. 4.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 6–7.
- ⁷¹ Подсчитано нами по: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 85.
- ⁷² Там же. Л. 106–106об.
- ⁷³ Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 410.
- ⁷⁴ В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) хранится рукопись «Очерк жизни и деятельности Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова» (ОР РНБ. Ф. 202. Ед. хр. 14. Л. 1–177). Анализируя текст, можно предположить, что её автором является один из адъютантов или порученцев М.И. Голенищева-Кутузова. Мы предполагаем, что рукопись принадлежит перу А.И. Михайловского-Данилевского.
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 202. Ед. хр. 14. Л. 170об.
- ⁷⁶ Цит. по: Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 341.
- ⁷⁷ См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 98–103; Ф. 815. Оп. 16. Д. 639. Л. 5–10об.
- ⁷⁸ *Лейб-ферд* (нем. *leib-pferd*) – главная лошадь.
- ⁷⁹ *Маршал* (нем. *marschall*) – в данном случае, главный распорядитель какой-либо церемонии.
- ⁸⁰ Синельников Ф. М. Указ. соч. С. 409.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 3.

- ⁸² Там же. Д. 49. Л. 100об.
- ⁸³ Там же. Л. 112–112об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 6–7.
- ⁸⁵ Там же. Л. 137об.
- ⁸⁶ Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 410.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 111об.
- ⁸⁸ Там же. Д. 48. Л. 17об.
- ⁸⁹ Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 411.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 15.
- ⁹² Там же. Л. 17.
- ⁹³ Там же. Л. 16.
- ⁹⁴ Там же. Л. 19об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 14об., 16.
- ⁹⁶ Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 411.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 10об.
- ⁹⁹ См.: Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 813. Ч. 1. Л. 203, 205–205об.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 112об.
- ¹⁰¹ Там же. 3. Д. 48. Л. 11об.
- ¹⁰² Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 412.
- ¹⁰³ ОР РНБ. Ф. 202. Ед. хр. 14. Л. 170об.
- ¹⁰⁴ Синельников Ф.М. Указ. соч. С. 412.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 48. Л. 20.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 49. Л. 151.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 599. Л. 14об.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 473. Оп. 3. Д. 49. Л. 18об.
- ¹⁰⁹ Подробно об этом см.: Бочков Е.А. «...Иметь за ним, как ненадежным, присмотр» // Клио. 2013. № 1 (73). С. 101–104.
- ¹¹⁰ См., напр.: Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1986. С. 192–196; Он же. Маршалы победы: Кутузов и Барклай де Толли. С. 339; Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 338–339.
- ¹¹¹ Архив Государственного музея истории религии (Архив ГМИР). Кол. V. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.